

Пелипенко Р. С.

*аспирант, институт государства и права,
Российская академия предпринимательства
e-mail: prs777727@gmail.com*

Уголовная ответственность за клевету и статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

В статье дается анализ нормы российского уголовного закона, устанавливающей ответственность за клевету, как одной из гарантий конституционных прав человека и гражданина на честь, достоинство, репутацию и доброе имя в контексте применения Европейским Судом по правам человека ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Точность формулировки уголовного закона важна для нахождения баланса между названными конституционными правами и свободой слова.

Ключевые слова: *уголовный закон, клевета, свобода слова, статья 10 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека.*

Pelipenko R. S.

*postgraduate student, Institute of Law and State
Russian academy of entrepreneurship*

Criminal Liability for Slander and Article 10 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms

The purpose of the research is the analysis of the provisions of Russian criminal law concerning slander, as one of the guarantees of constitutional rights to dignity, honor, reputation and good name in the context of the application of the Article 10 of the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms by the European Court of Human Rights. The quality of the language of the criminal law is important for finding a balance between the mentioned constitutional rights and freedom of speech.

Keywords: *criminal law, slander, freedom of speech, article 10 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the European Court of Human Rights.*

Свобода слова и свобода выражения мнения — одни из основополагающих и фундаментальных прав и свобод человека в современном

демократическом государстве. Свобода слова и массовой информации обеспечивает гарантированное ст. 13 Конституции РФ идеологическое и политическое многообразие. В нашей стране долгое время печатное слово находилось под жестким контролем советского государства. Только с началом перестройки была отменена цензура, и свобода слова стала реальностью. Одним из негативных побочных последствий этого стала «война «компромагов» и «заказная» клевета на страницах газет и иных печатных изданий, что не могло не приводить к нарушениям закреплённых в части 1 ст. 21 и части 1 ст. 23 Конституции РФ прав человека и гражданина на честь, достоинство, репутацию и доброе имя. Эти права также являются неотъемлемыми ценностями демократического правового государства и гражданского общества: «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию» [10, ст. 12].

Одновременно стало увеличиваться и количество претензий к средствам массовой информации и конфликтов, связанных с нарушениями прав журналистов в области свободы слова. Так, по сведениям Фонда Защиты Гласности, например, в период с 1996 по 2001 годы число таких конфликтов выросло с 370 до более чем 1300 [11]. На практике судебное преследование принципиального гражданина или журналиста, которые обнародовали свои критические замечания или достоверную информацию о коррумпированных чиновниках, стало инструментом их дискредитации. В результате подачи исков в суды о защите чести и достоинства или заявлений о распространении клеветы в правоохранительные органы им нередко приходилось доказывать свою правоту. Причем российские суды весьма часто не становятся на сторону критиков общественных недостатков и борцов с коррупцией. В результате российские граждане, пострадавшие от подобного рода судебных решений, вынуждены обращаться за защитой в Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ). Европейский Суд, по данным официальной статистики, в период с 1998 по 2013 года, признал нарушение Россией ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее — Европейская Конвенция), провозглашающей свободу выражения мнения, свободный доступ к получению и распространению информации, в отношении 25 жалоб. По данному показателю Россия находится на 4 месте в Европе после Турции (224), Австрии (34) и Франции (30) [3].

Как же найти баланс двух конфликтующих прав — права на честь, достоинство, репутацию и доброе имя и права на свободу выражения мнения? По нашему мнению, наиболее правильный путь — совершенствование национального, в нашем случае, российского, законодательства. Заметим, что для эффективного восстановления нарушенных прав человека и их защиты в данной сфере общественной жизни и реализации закрепленных в ст. 2 Конституции РФ положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства, законодателем используется уголовная ответственность за клевету, предусмотренная ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), и специальная норма по отношению к последней — ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава» [14, с. 140—144]. Для понимания того, полностью ли соответствует отечественная уголовно-правовая нормативная база в описываемой сфере общественных отношений современным требованиям, рассмотрим уголовную ответственность за клевету в свете решений, принимаемых ЕСПЧ по жалобам о нарушении ст. 10 Европейской Конвенции.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона РФ от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [12] Россия признает юрисдикцию ЕСПЧ обязательной по вопросам ее толкования и применения. Однако ЕСПЧ не является вышестоящей инстанцией по отношению к российским судам, в связи с чем не может ни отменить, ни изменить внутригосударственные судебные решения. При этом, если ЕСПЧ будет признано нарушение какого-либо права, гарантированного Европейской Конвенцией, это окажет значительное влияние на правоприменительную практику в данной стране-участнице Конвенции. Признание факта нарушения и подтверждения обоснованности жалоб дает основания для указания государству-ответчику на необходимость устранения условий, этому способствовавших, независимо, — будь это изменение судебной практики или законодательства. Необходимо отметить, что постановление ЕСПЧ является обязательным для исполнения лишь сторонами спора, однако, позиция суда, высказанная в любом его решении, также имеет значение и для остальных стран-участниц Конвенции, поскольку указывает на основные подходы ЕСПЧ при решении тех или иных споров [1, с. 82—114].

Ст. 10 Европейской Конвенции провозглашает свободу выражения мнения, свободный доступ к получению и распространению информации [4]:

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

ЕСПЧ выделяет три категории возможных ограничений осуществления права на свободу выражения мнений и информации, которые допускаются частью 2 ст. 10 Конвенции:

«1. Ограничения, направленные на защиту общественных интересов (государственной тайны, территориальной целостности, общественной безопасности, предотвращение беспорядков и преступлений, защиту здоровья и нравственности).

2. Направленные на защиту индивидуальных прав (защиту репутации или прав других лиц, предупреждение раскрытия информации, полученной конфиденциально).

3. Необходимые для поддержания авторитета и беспристрастности правосудия» [2, с. 271–272].

Применение ст. 10 Европейской Конвенции может происходить в рамках самых разных отраслей права, например, в сфере уголовного права в делах о диффамации, о распространении порнографии или о разглашении государственной тайны, если такие преступления предусмотрены внутренним правом той или иной страны. Применяется ст. 10 и по делам в сфере действия права средств массовой информации, если речь идет о предоставлении лицензий на вещание, а также в сфере трудового

законодательства, авторского права, законов об охране товарных знаков или к сфере норм профессиональной этики [16, с. 8].

По мнению М.Р. Воскобитовой, анализ общей практики рассмотрения дел по ст. 10 Конвенции позволяет прийти к выводу, что Суд в своей практике выявляет в ст. 10 Конвенции широкое содержание, которое фактически обеспечивает защиту свободной коммуникации как таковой. Ст. 10, в ее толковании ЕСПЧ, предоставляет защиту всем этапам коммуникативной деятельности — от создания до получения сообщения, включая все стадии его передачи. Кроме того, толкование Суда придает конвенционным нормам о свободе слова существенную гибкость, необходимую в условиях высоких темпов развития информационных технологий и соответствующих общественных отношений.

Помимо этого, М.Р. Воскобитова отмечает, что свобода слова, закрепленная в ст. 10 Конвенции, рассматривается Судом в качестве комплексного, центрального права ст. 10. Неслучайно Суд употребляет в качестве синонима для права на свободу слова («freedom of expression») такие понятия, как «право, гарантированное статьей 10 Конвенции» («right secured by Article 10 (art. 10) of the Convention») или «право, защищенное статьей 10 Конвенции» («the right protected by Article 10 (art. 10) of the Convention»).

И, наконец, по мнению этого же автора, свобода слова объединяет такие права, как право на свободу придерживаться мнений, право на свободу распространять информацию и свободу получать информацию и идеи (часть 1 статьи 10). Необходимо подчеркнуть, что Суд не стремится разделить данные права. Все эти права, в его понимании, составляют лишь правомочия в составе права на свободу слова [2, с. 394].

А как же обстоит дело, в свете изложенного, с четкостью юридических формулировок в отечественном уголовном праве, в частности, в ст. 128.1 УК РФ? Итак, диспозиция части 1 данной статьи гласит: «Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» [13]. При наличии подобной трактовки понятия клеветы на практике доказывание виновности лица представляется весьма проблематичным, поскольку в отношении ложности клеветнических сведений оно может сослаться на свое мнение или внутреннее убеждение, а также на неполноту либо недостаток имеющейся у него информации или даже низкую профессиональную подготовку, если речь идет о журналистах. При этом установить, что человек осознавал на момент предания гласности каких-либо фактов их ложность, представляет значительную

трудность и приводит к недостаточному использованию данной указанной статьи на практике [14, с. 140–144]. Вместе с тем, в подобном случае, возможно неверно трактовать и невиновные действия лица и, фактически, незаконно привлечь его к уголовной ответственности. В первом и во втором случае будет нарушен закрепленный ст. 5 УК РФ принцип вины.

Вместе с тем, не секрет, что грамотный правоприменитель при вынесении того или иного процессуального решения должен помнить, что, как подчеркнул Верховный Суд РФ, «... Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов. Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер...» (п. 11 постановления Пленума) [15].

Как же избежать неприятностей на межгосударственном уровне и не быть вынужденным обосновывать свое решение на европейском уровне? Выше отмечалось, что в диспозиции ст. 128.1 УК РФ законодатель делает акцент на заведомой ложности распространяемой лицом информации а не на объективном характере такой информации, что, в целом, противоречит позиции ЕСПЧ. В связи с чем, представляется целесообразным использовать следующую редакцию диспозиции части 1 ст. 128.1

УК РФ: «Клевета, то есть умышленное распространение утверждений о недоказанных фактах, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». Как следует из предлагаемого определения клеветы, чтобы не быть осужденным по ст. 128.1 УК РФ, лицо, распространяя какие-либо сведения о другом человеке, обязано проверить их правдивость доступными ему способами. Субъект при этом должен опираться на объективные факты, а не руководствоваться личным, субъективно сложившимся мнением. Заметим, что указание на голословность или недоказанность распространяемой информации о фактах, порочащих другого человека, используется в уголовном законодательстве Дании (§ 267) [17] и Германии (§ 186) [18].

Обоснование нашей позиции можно найти в ряде решений ЕСПЧ в отношении России, по которым было признано нарушение ст. 10 Европейской Конвенции.

К примеру, по делу «Дюндин против России» (жалоба № 37406/03) от 14 октября 2008 г. заявитель — журналист Дюндин В.А. 21 августа 2002 г. опубликовал в выпуске № 128/382 газеты «Орский вестник» статью под заголовком «Под пыткой подозреваемые сознались в краже, которую не совершали». Иск в отношении Дюндина В.А. и учредителя газеты о защите чести и достоинства, поданный одним из сотрудников милиции Ленинского РОВД Оренбургской области, фигурирующего в данной статье, по его мнению, не в лицеприятном свете, Ленинским районным судом г. Орска был частично удовлетворен, заявителю присуждено было выплатить 2000 рублей в качестве компенсации морального вреда и возместить судебные издержки. По данному делу ЕСПЧ в обоснование своего решения о наличии в действиях России нарушения ст. 10 Конвенции, среди прочего, указывает в п. 29 постановления на поверхностную оценку судами фактических обстоятельств, положенных в основу публикации: «... В делах, когда в основе публикации лежит интервью, следует разграничивать, исходят ли сведения от журналиста или они являются цитатами других людей, поскольку привлечение журналиста к ответственности за содействие распространению заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, серьезно мешает обсуждению в прессе вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно быть предусмотрено, если на то нет особо веских оснований». Кроме того, в п. 34 постановления Суд «... возвращаясь к содержанию статьи, опубликованной заявителем,... отмечает, что основным материалом было интервью с двумя указанными жертвами жестокости правоохранительных органов, г-ном С. и г-ном М. Национальные суды сочли некоторые фрагменты интервью порочащими. Сделав такой вывод, рос-

сийские суды не смогли разграничить собственную речь автора и цитирование других лиц, посчитав неважным тот факт, что оспариваемые сведения не исходили от заявителя, а были однозначно изложены другими людьми... Национальные суды не представили никакого обоснования наказания заявителя за содействие распространению сведений, высказанных другим лицом в ходе интервью, несмотря на то, что были обязаны представить веские причины для подобного наказания...» [5, пп. 29, 34].

Далее, в постановлении по делу «Гордлевский против России» (жалоба № 14888/03) от 23 октября 2008 г. в мотивировочной части о нарушении Россией ст. 10 Европейской Конвенции ЕСПЧ опять обращает внимание на следующее: «...В обстоятельствах настоящего дела, Суд не считает необходимым определять, являются ли фразы, использованные в собственной речи заявителя, оценочными суждениями или утверждениями о факте. Согласно установившейся практике Суда, различие между оценочным суждением и утверждением о факте, в конечном счете, сводится к степени фактической обоснованности, которая должна быть установлена, и, следовательно, оценочное суждение должно иметь под собой достаточную фактическую основу, чтобы служить справедливым комментарием согласно статье 10... Что касается доказательной базы, лежащей в основе рассуждения заявителя, Суд отмечает, что он опирался на общедоступные материалы расследования деятельности сотрудников отдела по борьбе с наркотиками и официальное медицинское заключение, свидетельствующее о количестве людей, умерших от передозировки. Поэтому Суд считает, что публикация заявителя была справедливым комментарием общественно значимого вопроса, а не неуместным выпадом на репутацию указанных сотрудников милиции» [6, п. 47].

Показательно также и дело «Порубова против России» (жалоба № 8237/03), решение по которому о нарушении Россией ст. 10 Европейской Конвенции вынесено 8 октября 2009 г. Из содержания дела следует, что заявитель Порубова Я. В., являющаяся главным редактором газеты «Д.С.П.», в конце сентября 2001 года опубликовала в данной газете ряд статей относительно крупномасштабного незаконного присвоения бюджетных средств, предположительно председателем правительства Свердловской области В. в интересах К., сотрудника московского представительства Свердловской области. Первая статья под заголовком «Гей-скандал в «Белом доме» была опубликована за подписью Сергея Петрова. Она начиналась следующим образом: «Жил да был председатель правительства Свердловской области В. У него было все: должность,

почет и уважение. А также любовь губернатора. Но В. влюбился... не в губернатора или свою работу, а в 25-летнего сотрудника областного представительства в Москве К. Как становятся гомосексуалистами? Откуда берется эта «любовь»? Мы простые несведущие люди... И мы не можем вообразить сцену, произошедшую между ними в пышном здании областного представительства в Москве... Ходят слухи, что губернатор, узнав некоторые подробности, был в ярости... и даже уволил К. с должности. Но любовь, как известно, способна преодолеть все преграды. Она находит не только время, но и место».

В дальнейшем, по заявлениям В. и К. было возбуждено уголовное дело в отношении Порубовой Я.В. по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 129 «Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» и ч. 2 ст. 130 УК РФ «Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации». В итоге, заявительница была привлечена российскими судами к уголовной ответственности по указанным статьям. По итогам рассмотрения данного дела ЕСПЧ вновь поясняет, что «важно отметить, что заявительница была наказана... за клевету и оскорбление. Состав клеветы возлагал на обвинение, а не на подсудимого бремя доказывания того, что спорное утверждение было ложным и порочащим репутацию потерпевшего. Что касается первого элемента предмета доказывания, удивление Европейского суда вызывает тот факт, что национальные власти, обвинение и суды никогда прямо не указывали, были ли утверждения об однополых отношениях В. и К. действительными или ложными, и не сделали выводов в этом отношении. Они не только отклонили ходатайство заявительницы о проведении освидетельствования потерпевших с целью установления их сексуальной ориентации, но даже не задавали вопросов по данному деликатному предмету потерпевшим или возможным свидетелям. Решения национальных судов практически умалчивали о том, являлись ли В. и К. гомосексуалистами и имели ли они связь в Москве. Кроме того, суды не исследовали вопрос о том, была ли заявительница в действительности осведомлена о недостоверности спорного утверждения, и они отказались принять во внимание материалы, которые она намеревалась представить в доказательство того, что у нее имелись достаточные основания верить в связь между В. и К...» [7, п. 47].

В постановлении по делу «Крутов против России» (жалоба № 15469/04) от 3 декабря 2009 г. ЕСПЧ вновь вынужден обратить внимание на отсутствие должного исследования российским судом объек-

тивности изложенной в оспариваемой статье журналиста Крутова А.Н. «Политические расклады 2002 года: старые и новые времена» информации. В п. 29 постановления прямо указывается: «Что касается причин, которые привели национальные суды в обоснование вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения, Суд отмечает, что суды не приняли довод заявителя о том, что оспариваемый отрывок представлял собой оценочное суждение, считая его утверждением о факте, сделанным заявителем, который давал понять, что г-н Б. совершал противоправные действия, что заявитель не смог доказать. Отклонив довод заявителя, национальные суды не стали изучать вопрос, являлся ли отрывок выражением оценочного мнения. Они также не привели никаких объективных доказательств, свидетельствующих либо о достоверности, либо о недостоверности оспариваемого отрывка. В этой связи Суд отмечает, что во многих случаях оценить, является ли конкретная фраза оценочным суждением или утверждением о факте, может быть достаточно сложно. Однако в соответствии с установленной практикой Суда даже оценочное суждение может иметь под собой достаточную фактическую основу, чтобы являться справедливым комментарием в соответствии со статьей 10 Конвенции...» [8].

Наконец, в постановлении по делу «Новая газета» в Воронеже против России» (жалоба № 27570/03) от 21 декабря 2010 г. ЕСПЧ снова усматривает нарушение ст. 10 Конвенции со стороны России и в п.55 и 56 постановления отмечает следующее: «Суд указывает на то, что национальные суды отказались предпринимать какие-либо шаги для получения оригинала или заверенной копии ревизионного отчёта или отчёта о ремонте стадиона. Более того, у Суда вызвало удивление то обстоятельство, что ни суд первой инстанции, ни кассационный суд не только не попытались выяснить, имели ли сведения, изложенные в статье, фактическое основание, но и даже не упомянули о том, что г-н И. П. в своих обвинениях сослался на два официальных документа. ... Он считает, что потребовав от Заявителя доказательств достоверности утверждений, сделанных в статье, одновременно лишив его практической возможности представить доказательства этих утверждений и, таким образом, подтвердить их соответствие действительности, национальные суды переступили отпущенные им рамки усмотрения...» [9].

Как видим, во всех рассмотренных постановлениях ЕСПЧ о нарушении со стороны властей России ст. 10 Конвенции присутствует в качестве довода обоснованности жалоб заявителей указание на поверхностный подход отечественных судов к оценке и исследованию фак-

тических данных, положенных в основу той или иной позиции указанных лиц при написании публикаций или распространении сведений. В предлагаемой нами редакции основного состава такого преступления, как клевета, будут оцениваться именно предпринятые лицом меры к проверке излагаемых им спорных данных, что будет соответствовать практике ЕСПЧ и, в свою очередь, позволит сократить количество необоснованных решений по уголовным делам упомянутой категории. При наличии же действующей диспозиции части 1 ст. 128.1 УК РФ в процессе доказывания вины или невиновности человека внимание правоохранительных органов и суда концентрируется, прежде всего, на доказывании «заведомости» применительно к ложности распространяемой информации, а не на исследовании фактических обстоятельств дела.

Используемые источники

1. Боднар А. *Res interpretata*: юридическая сила постановлений Европейского Суда по правам человека для государств, не являющихся сторонами в деле // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 3(82).
2. Воскобитова М.Р. Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика // Сборник аналитических статей. — М.: 2005.
3. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. URL: www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2013_ENG.pdf (дата обращения: 22.01.2015).
4. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 22.01.2015).
5. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. Информационно-правовая система HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-88965> (дата обращения: 24.01.2015).
6. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. Информационно-правовая система HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-89064> (дата обращения: 24.01.2015).
7. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. Информационно-правовая система HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-94840> (дата обращения: 24.01.2015).

8. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. Информационно-правовая система HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-96011> (дата обращения: 24.01.2015).
9. Официальный сайт Европейского Суда по правам человека. Информационно-правовая система HUDOC. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-102358> (дата обращения: 24.01.2015).
10. Официальный сайт ООН. Всеобщая декларация прав человека, принятая Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 22.01.2015).
11. Официальный сайт Фонда Защиты Гласности. URL: www.gdf.ru (дата обращения: 22.01.2015).
12. Официальный сайт юридической системы «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (дата обращения: 22.01.2015).
13. Официальный сайт юридической системы «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173653/?frame=139#p1785 (дата обращения: 22.01.2015).
14. Пелипенко, Р.С. Честь, достоинство, репутация, доброе имя как объекты судебной защиты // Труды ИГП РАН. Статьи аспирантов и стажеров. — 2011. — № 2.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» от 10 октября 2003 г. // Российская газета. — 2003. 2 декабря. — № 5.
16. Соболева, А. К. Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики) // Юристы за конституционные права и свободы. — М.: 2008.
17. Уголовный кодекс Дании. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
18. Уголовный кодекс ФРГ. — М.: Издательство «Юридический колледж МГУ», 1996.